

DIE WALKÜRE

English Translation
by
FREDERICK JAMESON

VOLLSTÄNDIGER KLAVIERAUSZUG
Erleichterte Bearbeitung
von
K. KLINDWORTH.

EIGENTHUM DER VERLEGER.

MAINZ: B. SCHOTT'S SÖHNE,

BRÜSSEL: SCHOTT FRERES. LONDON: SCHOTT & CO. PARIS: EDITIONS SCHOTT.

Валькирия (Die Walkure) — опера Р. Вагнера

Валькирия (Die Walkure) — опера Р. Вагнера в 3 д. Вторая часть тетралогии «Кольцо нибелунга».

Происходящее в «Валькирии» разворачивается через много лет после событий «Золота Рейна». От связи бога Вотана с земной женщиной родились Зиглинда и Зигмунд. Разлученные при рождении, они не подозревают о существовании друг друга. Вотан, чтобы охранять Валгаллу от врагов, поставил на страже валькирий — дев-воительниц, мчавшихся над полями битв на крылатых конях. Они помогают воинам в бою и переносят в Валгаллу души павших героев.

- [Валькирия](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Первое действие](#)
 - [Картина первая](#)
 - [Картина вторая](#)
 - [Второе действие](#)
 - [Картина первая](#)
 - [Картина вторая](#)
 - [Картина третья](#)
 - [Третье действие](#)
 - [Картина первая](#)
 - [Картина вторая](#)
-

*Первый день тетралогии «Кольцо Нибелунга»
Опера в трёх действиях
Либретто Р. Вагнера
Перевод В.Коломийцева
Иллюстрации Артура Рэкмана*

Действующие лица

Зигмунд(тенор)

Хундинг(бас)

Зиглинда, его жена (сопрано)

Вотан, верховный бог (бас)

Фрика, его жена (меццо-сопрано)

Брунгильда, валькирия, его дочь (сопрано)

Герхильда, валькирия (сопрано)

Ортлинда, валькирия (сопрано)

Вальтраута, валькирия (меццо-сопрано)

Швертлейта, валькирия (меццо-сопрано)

Хельмвига, валькирия (сопрано)

Зигруна, валькирия (меццо-сопрано)

Гримгерда, валькирия (меццо-сопрано)

Росвейса, валькирия (меццо-сопрано)

Действие происходит в хижине Хундинга и в горах в сказочные времена.

Картина первая

Хижина Хундинга. Внутренность жилища.

Посреди сцены возвышается ствол могучего ясеня, корни которого, сильно выступая и широко разбросавшись, уходят в земляной пол. Срубчатый потолок скрывает вершину дерева, причем как самый, ствол, так и распростершиеся во все стороны ветви проходят сквозь точно подогнанные отверстия потолка; предполагается, таким образом, что густолиственная вершина ясеня раскинулась уже над крышею. Ствол является центром постройки («зала»); грубо обтесанные бревна и доски стен там и сям завешаны плетеными и ткаными коврами. Справа на переднем плане — очаг; его дымовая труба по стене уходит в крышу. Позади очага находится нечто вроде внутренней кладовой, к которой ведут несколько деревянных ступенек; перед этим помещением висит плетеный ковер, наполовину отдернутый. На заднем плане — большая входная дверь с простым деревянным затвором. Слева — дверь во внутреннюю комнату, куда тоже ведут ступеньки; с той же стороны, но на переднем плане, стоит стол; за ним — широкая лавка, вделанная в стену; перед столом — деревянные скамейки. Занавес подымается после бурно стремительного оркестрового вступления. Сцена остается некоторое время пустой. Затем, поспешно отворяя снаружи входную дверь, появляется Зигмунд. — День клонится к вечеру; разыгравшаяся на дворе сильная буря мало по малу совершенно утихает. — Зигмунд, еще держась рукой за дверной засов, оглядывает жилище; он кажется изнуренным от чрезмерного напряжения сил; его одежда и весь внешний вид показывают, что он спасается бегством. — Не видя никого, он затворяет за собою дверь, с крайним усилием смертельно усталого человека направляется к очагу и бросается на разостланную перед ним медвежью шкуру.

Зигмунд

*Сюда, к очагу, —
чей бы он ни был!*

Он падает навзничь и лежит без движения — Из внутренней комнаты выходит на сцену Зиглинда: она слышала шум и думала, что вернулся домой ее муж. Серьезное лицо молодой женщины принимает выражение удивления, когда она видит чужого человека, распростертого у очага.

Зиглинда

(оставаясь еще на заднем плане)

Какой-то гость?

Узнаю, кто он...

(Она спокойно подходит немного ближе.)

Кто в дом вошел

и лег у огня?

(Так как Зигмунд не шевелится, она подходит еще ближе и разглядывает гостя.)

Трудный путь

утомил его...

Как неподвижен он!

Может быть, мертв?
(Она наклоняется над ним и прислушивается.)
Нет, слышно дыхание, —
глаза лишь закрыты...
Гордым кажется он,
но лишился чувств...

Зигмунд
(внезапно подымая голову)
Родник! Родник!

Зиглинда
Питья он хочет...
(Она поспешно берет рог для питья и выходит с ним из дому, затем возвращается и подает Зигмунду наполненный рог.)
Жгучей жажде
прохладу несусь я, —
воду, как ты хотел...

Зигмунд пьет и передает ей рог обратно. Кивком головы поблагодарив Зиглинду, он с возрастающим участием вглядывается в ее черты.

Зигмунд
Бодрую свежесть
дал мне родник, —
невзгоды гнет
он облегчил:
мой дух просветлел,
глазам опять
блаженство зренья дано...
Скажи, кто так мне помог?

Зиглинда

Жильем и женой
владеет Хундинг;
ты сегодня наш гость:
мужа дождись со мной!

Зигмунд

Я безоружен,
устал от ран
и ему не опасен...

Зиглинда

(с озабоченной поспешностью)
Мне раны скорей покажи!

Зигмунд

(встряхивается и быстро принимает сидячее положение)

О, нет! Полно!
Ничтожны они,
и крепки еще
все члены мои!
Если б так,
как эта рука,
твердо было оружие, —
я бежать бы не стал;

но сломались копьё и щит!

Меня травила

стая врагов,

грозой я был

смят и разбит;

но быстрее,

чем я от своры,

боль бежит от меня:

ночь затмевала мой взор,—

но день смеется мне вновь!

Зиглинда идет в кладовую, наполняет рог медом и с приветливым волнением подает напиток Зигмунду.

Зиглинда

Душистого меда

выпить рог —

мне не откажет гость...

Зигмунд

Но отведай и ты...

Зиглинда отпивает немного и снова подает рог Зигмунду; последний, с возрастающей теплотой глядя на Зиглинду, делает большой глоток. Потом, отняв рог от губ, он медленно роняет его. Лицо гостя выражает глубокое волнение. Некоторое время оба молчат. Зигмунд тяжело вздыхает и уныло потупляет взор.

Зигмунд

(дрожащим голосом)

Пожалела ты несчастливого:

(пылко)

да не тронет беда тебя!

(Он быстро встает.)

Прошла усталость,

я бодр опять:

дальше в путь я иду!

(Он делает несколько шагов в глубину сцены.)

Зиглинда

(живо оборачиваясь к нему)

Ты бежишь... Кто гонит тебя?

Зигмунд

(словно очарованный ее призывом, останавливается;

медленно и мрачно)

Несчастье всюду

рыщет за мною;

Несчастье входит

в дом, где я кроюсь...

Но твой дом должен быть свят!
Я расстаюсь с тобой!
(Он быстро идет к двери и подымает затвор.)

Зиглинда

(в горячем самозабвении удерживая его)

Останься здесь!

Ты в дом беды не внесешь, —

беда здесь сама живет...

Зигмунд останавливается, глубоко потрясенный, и взглядом вопрошает Зиглинду, которая стыдливо и печально опускает глаза. Зигмунд возвращается.

Зигмунд

«Скорбным» я назвал себя:

Хундинг гостя увидит! —

Он прислоняется к очагу и со спокойно-решительным участием пристально глядит на Зиглинду. Она опять медленно поднимает на него взор. Долго молча смотрят они друг другу в глаза, с выражением глубочайшего волнения. — Внезапно Зиглинда вздрагивает и прислушивается; она слышит прибытие Хундинга, который отводит своего коня в стойло. Она поспешно идет к двери и открывает ее. — Хундинг, вооруженный щитом и копьем, входит и, увидя Зигмунда, останавливается на пороге. Он обращает строго вопрошающий взгляд на Зиглинду.

Зиглинда

(отвечал на взгляд Хундинга)

К нам вошел

раненый гость:

устал он в пути...

Хундинг

Ты с ним была?

Зиглинда

(спокойно)

За ним ходила я, —

пить ему дала...

Зигмунд

(все время спокойно и твердо глядя на Хундинга)

Здесь приют

мне был дан:

ты недоволен этим?

Хундинг

Свят мне мой очаг:

свят он будь и тебе!

(Он снимает с себя оружие и передает его Зиглинде; обращаясь к ней.)

Ужин ставь нам, мужам!

Зиглинда вешает оружие на ветви ясеня; затем, достав из кладовой пищу и питье, она ставит ужин на стол. — Взор ее снова невольно устремляется на Зигмунда.

Хундинг пронизывающим и удивленным взглядом измеряет гостя, сличая его внешность с внешностью своей жены.

Хундинг

(про себя)

Как сходен он с нею!

Таким же огнем

глаз прищельца сверкает...

(Он скрывает свое удивление и с деланным простодушием обращается к Зигмунду.)

Долго, знать,

длился твой путь, —

ты без коня

пробрался к нам;

какой тропой

тяжелой ты брел?

Зигмунд

Чрез лес и поле,

степь и кусты

гнали меня

гроза и рок;

неведом мне путь, где я шел;

где очутился, —

тоже не знаю:

ты мне поведай о том.

Хундинг

(сидя за столом и предлагая место Зигмунду)

В своем дому

приют и кров

Хундинг дал тебе;

если направишь

на запад путь, —

родни моей

там живут семьи,

что честь мою охраняют. —

Сделай честь мне, мой гость,

и себя теперь назови.

Зигмунд, присев к столу, задумчиво смотрит в пространство. Зиглинда, севшая рядом с Хундингом, против Зигмунда, глядит на последнего с заметным участием и ожиданием.

Хундинг

(наблюдая за обоими)

Если мне
не хочешь сказать, —
то ей вот —
молви смело:
взгляни, — она
так жадно ждет!

Зиглинда

(просто и участливо)

Гость, назови мне себя!

Зигмунд

(вскидывает голову, глядит ей в глаза и начинает в строго-сдержанном тоне)

«Мирным» зваться нельзя мне;
«Радостным» думал я быть,
но «Скорбный» — вот мое имя. —
«Волк», — это был отец мой;
с сестрой я родился, —
близнецами были мы с ней.
Мать вскоре же
я потерял,
а с ней и ту,
кто со мной родилась;
мне их не вспомнить теперь. —
Волк был силен, отважен;
врагов он много имел.

С собою сына
он брал на охоту;
однажды домой
мы с травли пришли, —
а волчий дом был пуст.
Дотла сгорел
сверкающий зал,
и пнем наш дуб
цветущий стоял;
лежала убитой
мать на земле,
исчезла бесследно
в огне сестра:
нам столько бед принес
злых Нейдингов мрачный род. —
Бежал со мной
гонимый отец;
в дикой чаще
юноша прожил
со старым немало лет;
часто их
пытались схватить, —
но храбро пара волков дралась! —
(обращаясь к Хундингу)
Волчонка видишь ты здесь,
а Волчонка знают враги!

Хундинг

Странен рассказ твой смелый,
повесть чудна твоя,
Скорбный Волчонок!
Хотя об отважных Волках
я тоже что-то слышал,
но не встречал их
доныне сам...

Зиглида

Еще скажи мне, путник:
где твой отец теперь?

Зигмунд

Ловить затеяли нас
черные Нейдинги вновь:
ловцов немало
волки побили,
ловцов через лес
дичь погнала;

как дым, рассеялся враг.
Но бой разлучил нас с отцом;
он пропал из вида;
напрасно искал я. —
только волчью шкуру
в чаще нашел, —
след, брошенный им...
Отец мой вдруг исчез...
И в лесу я заскучал. —
к мужам мне хотелось и к женам...
И там, и здесь, —
всюду я был;
искал друзей,
подруг искал, —
но везде я был отвергнут:
горе шло со мной.
Что я добром считал,
то не нравилось им;
а что я считал злом, —
было по сердцу всем.
Раздор повсюду
я вызывал, —
крик гнева
несся мне вслед;
жаждал я счастья, —
скорбь лишь будил:
и должен я Скорбным зваться, —
лишь в скорби вечно я жил!

(Он бросает взгляд на Зиглинду и видит, что ее глаза полны сочувствия к нему.)

Хундинг

Не любила Норна тебя, —
злосчастен жребий твой;
рад не будет никто,
к кому ты в дом войдешь.

Зиглинда

Трусам лишь может
безоружный гость
страх внушать! —
Молви мне, гость,
в битве какой
оружье ты потерял?

Зигмунд

(все более и более возбуждаясь)
Меня позвала

дева в беде:
ее насильно
отдать немилому в жены
хотела родня.
Против насилья
выступил я,
на всю родню
смело напал, —
и враг сражен был мной.
Лежали павшие братья:
вдруг дева припала к телам, —
вражду сменила печаль.
Потоки горьких слез
на них невеста лила:
лишь о гибели кровных братьев
громко стонала она. —
И родня убитых
бросилась к нам,
в безграничной жажде
отметить за них:
тесно меня
враги окружили.
С поля борьбы
дева не шла;
мой щит ей жизнь
долго спасал;
но вот разбились
и щит, и копье.
Я не мог уже драться, —
смерть постигла ее:
за мною помчалась толпа, —
а невеста была мертва.
(устремив на Зиглинду горестно-пламенный взор)
Теперь ты видишь,
жена, что имя «Мирный»
дать нельзя мне!

Он встает и идет к очагу. Зиглинда, бледная и глубоко потрясенная, склоняет голову.

Хундинг

(вставая)

Я знаю дерзостный род, —
не свято ему,
что свято всем:
отвергнут он всеми и мной!
И я с другими был позван —
мстить беспощадно
за кровь родни:

пришел поздно,
вернуться пришлось, —
чтоб беглый вражий след
в своем же доме найти!
(Он отходит от стола.)
Хранит дом мой,
Волчонок, твой сон. —
я впустил на ночь тебя:
но завтра ищи,
где хочешь, оружия:
с утра будь к бою готов, —
за мертвых заплатишь мне дань!

Зиглинда встает со своего места и с беспокойным видом становится между ними.

Хундинг

(Зиглинде, грубо)

Прочь уходи!

В спальню ступай?

Питье мне на ночь готовь

и жди меня ко сну!

Зиглинда стоит некоторое время в нерешительности что-то обдумывая. — Она медленно поворачивается и, задерживая шаги, направляется к кладовой. Там она опять останавливается, погруженная в мысли и наполовину отвернув лицо. — Приняв спокойно какое-то решение, она открывает поставец, наполняет напитоком рог и всыпает туда из деревянной кружки приправу. — Затем она переводит глаза на Зигмунда, чтобы встретить его взгляд, все время на нее устремленный. — Она замечает, что Хундинг следит за нею, и тотчас же направляется к спальне. На ступеньках она еще раз оборачивается, глядит на Зигмунда глазами, полными страстной тоски, и долгим взглядом указывает ему, с выразительной определенностью, одно место на стволе ясеня. — Хундинг делает резкое движение и повелительным жестом гонит ее прочь. — Бросив последний взгляд на Зигмунда, который продолжает спокойно, затаив гнев, стоять у очага, — она уходит в спальню и затворяет за собою дверь,

Хундинг

(снимая с дерева свое оружие)

Оружье — сила мужей!

(Уходя, он обращается к Зигмунду.)

Ты завтра в бой со мной вступишь:
меня слышал ты?

Ну, берегись!

(Захватив с собой оружие, он уходит в спальню; слышно, как он изнутри запирает затвор двери.)

Зигмунд остается один. — Ночь наступила; зал освещен лишь слабым огнем очага. — Зигмунд опускается на ложе, близ огня, и некоторое время сидит в молчаливом раздумье, охваченный сильным душевным возбуждением,

Зигмунд

Мне меч отцом был завещан, —
в беде я его найду...

Я к врагу в дом
без меча вошел —
и залогом стал
мщенья его...

Мелькнул образ
дивной жены...

О, страх восторга,
сердца боль!..

Томленье влечет меня к ней,
я во власти сладких чар...

Она — рабыня того,
кто меня в плен взял, глумясь! —

Вельзе! Вельзе!

Где же твой меч,
твой крепкий меч?

Я взмахну им грозно,
когда сокровенный мой гнев
восстанет со дна души!

Тлеющие в очаге дрова обваливаются: вспыхнувшее пламя внезапно бросает яркий свет на то место в стволе ясеня, которое было указано взглядом Зиглинды и где теперь ясно видна рукоять меча.

Зигмунд

Что там мерцает,
как звезда?

Из ствола яркий
исходит луч...

Слепые очи
свет озарил,
тайно радуя взор...

Как волшебный блеск
мне сердце жжет!

Иль это взгляд
цветущей жены,
что так грустно
прощаясь со мной,
бросила здесь она?..

(Огонь начинает постепенно меркнуть.)

Ночь покрывала
очи мне тьмой,
но лучистый взор

встретил меня:
свет я нашел и тепло!
Солнце кротко
сияло здесь,
ласкало чело мне
отрадным огнем, —
но закатилось оно...
(Новая слабая вспышка огня в очаге.)

Еще, в последний раз,
свет вечерний сверкнул...
Даже старый ствол горел
в его золотом луче...
Погас мой светоч,
цветок увял, —
тьма ночная
очи мне кроет:
только в глубинах сердца
тлеет бессветный огонь...

*Огонь в очаге совершенно погас: полный мрак на сцене. — Дверь спальни тихо
отворяется: появляется Зиглинда в белом одеянии и осторожными, но быстрыми
шагами идет к очагу.*

Зиглинда

Спишь ли ты, гость?

Зигмунд

(радостно изумленный)

Кто там во тьме?

Зиглинда

(торопливо и таинственно)

Я здесь: слушай меня!
Глубоко Хундинг спит,
усыпленный напитком моим:
пользуйся ночью, — беги!

Зигмунд

(горячо прерывая ее)

Я рад быть с тобой!

Зиглинда

Есть оружие здесь, у нас в доме:
о, гость, достань его!
Ты станешь славен
славой великой:
сильнейшему лишь
дан этот меч!

Внимай тому,
что расскажу я! —
Родню свою
здесь Хундинг собрал,
суровую праздную свадьбу:
насилъно себе
он брал жену, —
жертву разбойников злых.
Грустно было
мне средь веселья...
Вдруг странник в дом наш вошел, —
старец в сером плаще:
он шляпу, входя,
надвинул на глаз свой левый;
но другой сверкал,
робость внушая, —
всем грозил
этот властный взгляд;
лишь во мне
он пробудил томленье сладкой тоски, —
слезы и радость грез...
Мой взор встретив,
на них оглянувшись,
вдруг мечем пришелец взмахнул
и весь блестящий
стальной клинок
погрузил в ясеня ствол: —
тому этот меч назначен,
кто извлечет его! —
Но тщетно гости
всю мощь напрягали, —
никто меча не достал.
Все входили
и друг за другом
хватались за рукоять, —
но ничуть не сдвинулся меч:
вот он глядит из ствола...
И ясно стало мне, —
чей привет утешил меня,
и кто лишь
может меч
достать могучей рукой...
О, если б он, мой друг,
был здесь, со мной!
Если б в беде
я нашла его!
Все горе мое,

все страданья мои,
мучительный стыд
и тяжкий позор, —
все искупила б
мщения сладость!
Ко мне счастье
вернулось бы вновь,
и жизни опять
я б улыбнулась, —
если б герой мой пришел,
если б друг мой
обнял меня!

Зигмунд

(обнимает ее с пламенной страстью)

Тебя, о жена,
обнял твой друг!
Оружье и ты — мои!
Жарко в груди
клятва горит,
что мне тебя отдает!
Все грезы мои
явились в тебе,
в тебе счастье
я ныне познал!
Плакала ты, —
и я тосковал;
я был гоним, —
ты терпела позор:
радостью мщенья
ныне упьемся!
Смех бурный
ликует во мне, —
я ведь тебя обнимаю
слышу сердце твое!
Большая входная дверь внезапно распахивается.

Зиглинда

(испуганно вздрагивая и вырываясь из объятий Зигмунда)

Ах, кто там?

Кто в дверь вошел?

Дверь остается широко открытой. На дворе — чудная весенняя ночь. Лучи полного месяца проникают в зал и светлым сиянием озаряют чету, так что она вдруг становится видимой с полной отчетливостью.

Зигмунд

(в тихом восторге)

Нет никого, — но Гость вошел:
вот он, взгляни, — ласковый Май!

*Нежным усилием он привлекает Зиглинду к себе на ложе, сажая ее рядом с собою. —
Месяц сияет все ярче и ярче,*

Зигмунд

Бури злые стихли
в лучах весны, —
сияньем кротким
светится Май;
на крыльях легких
рея тихо,
чудо он
земле несет;
его дыханье
веет лаской,
радость льют
его глаза!
В блаженном пеньи птичек
Май звучит.
Маем дышит
запах трав;
от тепла его
цветут волшебнo растенья,
жизнь дает он
слабым росткам.
Оружьем нежным Мая
мир покорен;
вьюги зимы
в страхе умчались прочь;
и властным ударом
вот он открыл
суровый затвор,
что упрямо его к нам, —
к нам не пускал! —
К своей сестре
влетел светлый Май, —
манила брата Любовь:
у нас в сердцах
скрывалась она, —
и рада свету теперь!
Невеста-сестра
спасена своим братом,
разлуки горькой
пала стена:
мир, смеясь
молодой чете,

венчает Май и Любовь!

Зиглинда

Ты — этот Май,
к тебе я стремилась
в холодные дни зимы!
Ты свет мне принес, —
и сердце мое
задрожало вдруг в сладком страхе
Дни мои грустно текли, —
мрачно и одиноко:
мне все казалось чужим,
что давала мне жизнь...
Но ты тотчас
признан был мной:
не успел ты войти,
как стал мне близок!
Что таилось в груди, —
сон души, —
все озарил
солнечный день:
в ушах зазвучал
звон ликования,
когда в чужбине дикой
предстал мне желанный друг!
(Она в восторге охватывает руками его шею и глядит ему прямо в лицо.)

Зигмунд

(в восхищении)

О, светлая радость!
Счастье мое!

Зиглинда

(приближая свои глаза к его глазам)

О, дай мне близко
к тебе прижаться,
чтоб ясно видеть
чудесный свет,
что мне горит
в глазах твоих
и чарует чувства мои!

Зигмунд

В лучах весны
светишься ты,
волны волос
обрамляют тебя...

Вижу теперь
всю прелесть твою:
блаженство пьет мой взор!

Зиглинда

(откидывая назад кудри его лба и изумленно любясь им)

О, как открыт
твой гордый лоб!
Как бьется в висках
благородная кровь! —
И страха, и восторга
сердце полно...
Мне чудом кажется вот что:
впервые видя тебя, —
тебя узнала я!

Зигмунд

Меня волнует
тот же сон:
в мечтах любви
ты являлась уж мне!

Зиглинда

В ручье я видела
образ свой, —
теперь он виден мне снова:
как отражала вода, —
ты отражаешь меня!

Зигмунд

Ты — образ тот,
что хранил я в себе!

Зиглинда

(быстро отводя свой взор)

Молчи!.. Дай мне
припомнить голос...
Как будто он мне
в детстве звучал...
Но нет! Звучал он недавно, —
когда на голос мой
мне звонко лес отвечал!

Зигмунд

О, сладостной
лютни нежные звуки!

Зиглинда

(снова заглядывая ему в глаза)

И огонь твоих глаз

сверкал уже мне:

так в очи мои

старец глядел,

утешая печаль мою...

Я по взгляду узнала отца...

назвать уж его я хотела!..

(Она останавливается; затем тихо продолжает)

«Скорбный» — имя твое?

Зигмунд

Теперь меня

так не зови:

я стал ныне дивно счастлив!

Зиглинда

Но «Мирным»

ты не можешь назваться?

Зигмунд

Я назовусь,

как желает подруга:

мне имя дай ты сама!

Зиглинда

Но звался ли Волком отец твой?

Зигмунд

Был волк для лисиц трусливых!

Но тот, чей взор

гордо сиял мне,

как чудные очи твои, —

тот имя Вельзе носил!

Зиглинда

(вне себя)

Так Вельзе— отец твой!

Но если ты Вельзунг, —

значит тебе

оставил он меч, —

и другу-герою

нашла я имя:

Зигмунд — так назовись!

Зигмунд

(вскакивает с места, подбегает к стволу ясеня и хватается за рукоять меча)

Зигмунд назван, —
я Зигмунд ныне!
И доблестный меч
бесстрашно я вырву!
Вельзе сказал мне,
что в тяжелой беде
меч я найду:
он найден мной! —
Страсти священной
скорбный стон, —
муки любовной
жгучий огонь, —
в сердце ярко горя,
даст мне жизнь и смерть!
Нотунг! Нотунг, —
так меч я зову, —
Нотунг! Нотунг!
Жадная сталь!
Острый резец свой
мне покажи!
На свет выходи из ножен!

Мощным напряжением силы он вырывает меч из ствола и показывает Зиглинде, охваченной изумлением и восторгом.

Зигмунд
Зигмунд, сын Вельзе,

пред тобой!
Его брачный дар — этот меч!
Жену себе
сосватал герой
и с ней бежит
из дома врага! —
Вдаль скорей
следуй за мной, —
в светлый дворец,
где царствует Май:
тебя там меч защитит,
когда твой Зигмунд падет!
(Он обнимает ее, чтоб увести с собою.)

Зиглинда

(в величайшем упоении вырывается из его объятий и становится против него).

Если Зигмунд
здесь предо мною,
Зиглинду ты видишь, —
она твоя!
Сестру родную
вместе с мечем ты нашел!
(Она бросается к нему на грудь.)

Зигмунд

Ты сестра мне,
ты и жена мне, —
цвети же,
Вельзунгов род!
С бешеной страстью он привлекает ее к себе. Занавес быстро падает.

Картина первая

Дикие горы и скалы. В глубине сцены снизу подымается ущелье, сверху оканчиваясь высоким хребтом; в направлении авансцены почва, начиная с уклона этого хребта, снова понижается. Вотан, в боевом вооружении, с копьем в руке; перед ним — Брунгильда, в образе Валькирии, тоже в полном вооружении.

Вотан

Взнуздай же коня,
дева войны, —
жаркий бой
вспыхнуть готов!
Ты устремись в этот бой, —
пусть Вельзунг в нем победит!
Хундинг сам пойдет
к равным себе:
в Валгалле не нужен он мне.
Лети же и мчись!
В битву спеши!

Брунгильда

(ликуя и прыгая с утеса на утес, поднимается на высоты справа)

Нојотоһо! Нојотоһо!

Неіаһа! Неіаһа!

На вершине одной высокой скалы она останавливается, заглядывает в глубину заднего ущелья и, обернувшись к Встану, кричит ему.

Брунгильда

Отец мой, к битве
будь готов сам!
Схватки злой
должен ты ждать:
Фрика ищет тебя.
и к нам ее
бараны везут!
Ха! Как мелькает
бич золотой!
Животных бедных
страх обуял!
Как мчится повозка!
Бурю это сулит!
В таких сраженьях
что делать мне?
Я люблю доблестный
бой мужей! —
Итак, оставайся один:
лечу я, веселая, прочь!
Нојотоһо! Нојотоһо!
Неіаһа! Неіаһа!

Брунгильда исчезает в стороне за горной вершиной. — В колеснице, запряженной двумя баранами, Фрика поднимается из ущелья на вершину хребта; там она быстро останавливает баранов, выходит из повозки и стремительно направляется на передний план, к Вотану.

Вотан

(видя приближающуюся к нему Фрику, про себя)

Все тот же спор,
все тот же шум!

Но тверд буду я ныне!

Приближаясь, Фрика постепенно умеряет свои шаги и с достоинством останавливается перед Вотаном.

Фрика

Ты укрылся здесь в горах,
вдали от взоров моих;
я ищу
всюду тебя,
чтоб помощь ты оказал мне.

Вотан

Пусть Фрика скажет,
что надо ей.

Фрика

Громко Хундинг в беде
о мщеньи молит меня:
союзы брачные
святы мне,
и мой долг —
казнить беспощадно
грех дерзкой четы,
нанесшей мужу позор. —

Вотан

Чем греховен
их союз,
венчанный нежной весной?
Любви волшебство
в них страсть зажгло:
возможно ль Любовь казнить?

Фрика

Ты хочешь казаться глухим,
но должен и ты понять,
что обвиненье
тяжко мое,
что брак священный осмеян!

Вотан

Брака священного нет
в союзе без любви;
и ты тщетно
ждешь, чтобы я
укреплял насильно
устой брака:
где цветут силы свободно,
там я зову их к борьбе!

Фрика

Брака разрыв
восхваляешь ты, —
хвали же и дальше,
считай священным,
что здесь — кровосмешенье
близких двух существ!
Трепещет мой дух,
немее мой мозг:
пала сестра
в объятия брата!
Где же и когда

меж кровными брак совершался?

Вотан

Ныне — он свершен!
Признай же то,
что само случилось,
хотя этот случай и нов.
Что страсть их связала, —
видишь и ты;
и вот тебе мой совет:
изведай сама
упоенье восторга,
приняв с улыбкой привет
светлый союз двух сердец!

Фрика

(в порыве сильнейшего негодования)

Так значит в ничто
обратились все боги,
с тех пор, как родил ты
Вельзунгов диких? —
Скажи сам мне:
так или нет? —
Ты стал презирать
семейство бессмертных;
что чтил ты прежде, —
теперь ты бросаешь,
те узы, что сам
завязал, — разрываешь,
рушишь радостно
мощь небес, —
чтоб развратным счастьем
упиться могла
близнецов чета, —
порожденье измены твоей! —
О, что тебе
до супружеских уз, —
ведь ты сам их первый разбил!
Жену всегда
обманывал ты:
в глуби долин,
на горных высотах, —
езде взор твой
страстно искал
новых чувств
и новых восторгов,
терзая сердце мое! —

Тайные слезы
я проливала,
видя, как в бой
ты водил Валькирий, —
детей любви
безумной твоей:
все же ты меня уважал,
и толпе этих дев,
и даже Брунгильде,
своей мечте, —
ты почтенье к супруге внушил...
Но вот ты прикрылся
именем новым, —
и «Вельзе» волком
бродить стал в пустыне:
там, опустясь
до предела позора,
ты двух ничтожных
людей порождаешь,
чтоб отродью Волчицы
бросить под ноги меня! —
Чего же ты ждешь?
Выполни все!
Пусть волчата Фрику растопчут!

Вотан

(спокойно)

Есть многое,
чего ты не знаешь,
чего не понять тебе,
но что свершиться должно.
Лишь обычное
ясно тебе;
но то, что ново всем, —
того жаждет мой дух! —
Знай одно лишь:
нужен герой,
лишенный нашей защиты,
отвергший законы богов.
Только он
может дело свершить,
что спасло бы бессмертных,
но что богу свершить не дано.

Фрика

Смутить загадкой
хочешь ты Фрику!

Да что создать
могли бы герои,
чего нельзя
свершить их богам,
чьей волей люди сильны?

Вотан

Ни во что ты ставишь
личный их дух?

Фрика

Кто в них вдохнул этот дух?
Кто взоры слепцов просветил?
В твоём щите
сила бойцов,
твое внушенье
движет мужей:
ты — сам их ведешь,
и ты смеешь мне их хвалить! —
Нет, ты меня
больше не обманешь,
не извернешься
хитростью новой, —
и этот Вельзунг
погиб для тебя:
лишь ты виден мне в нём,
лишь тобой стал он силен!

Вотан

(пораженный)

В лихих страданиях
он вырос один:
отцом брошен он был...

Фрика

Так брось опять его!
Меч свой назад
у сына возьми!

Вотан

Мой меч?!

Фрика

Да, — твой меч,
сверкающий, чудный твой меч,
что ты в помощь сыну дал!

Вотан

(возбужденно)

Зигмунд его добыл сам,
в час беды!..

Последние слова Вотан произносит с подавленным трепетом. С этого момента вся внешность его выражает тайный страх и глубокое, все возрастающее уныние.

Фрика

(энергично продолжая)

Ты создал беду
и спасительный меч!
Все мне известно, —
я день и ночь
за тобою слежу!
Свой меч в яшень
ты для сына вонзил,
завещав ему могучий дар:
твоя лишь хитрость
его привела туда,
где меч он нашел!

Вотан вздрагивает, делая жест ярости. — Фрика замечает впечатление, произведенное ею на Вотана, и продолжает все с большей и большей уверенностью.

Фрика

С рабом дерзким
гордый не спорит, —

раба карает свободный!
Я с тобой борюсь,
с силой твоей,
а Зигмунд для Фрики — лишь раб!

Новое бурное движение Вотана. Затем сознание бессилия овладевает им.

Фрика

Пред этим смертным,
богу покорным,
должна склониться
супруга твоя?
Ужель меня
твой раб опозорит, —
ничтожным в соблазн
и на смех врагам?
Ужель супруг мой захочет
богиню бесчестьем покрыть?!

Вотан

(мрачно)

Что ж могу я?

Фрика

Вельзунга бросить!

Вотан

(глухим голосом)

Пусть идет своим путем...

Фрика

И в час смертной борьбы
ты не должен хранить его!

Вотан

Пусть бьется он сам...

Фрика

В очи взгляни мне,
лжи не таи:
и дочь от него отзови!

Вотан

Своя воля у нее...

Фрика

Нет же! Лишь твою
исполняет она:

в твоих руках
Зигмунда жизнь!

Вотан

(в порыве сильной душевной борьбы)
Но пасть он не может
с моим мечом!

Фрика

Лиши сталь волшебства
и меч свой разбей:
Зигмунд будет сражен!
С высот раздается ликующий клич Брунгильды.

Фрика

Вот смелая дочь твоя
с кличем мчится сюда...

Вотан

(глухо про себя)
Для Зигмунда звал я ее!

Брунгильда появляется со своим конем на скалистой тропинке справа. — Увидав Фрику, она тотчас же умолкает; во время последующего она молча и медленно сводит своего коня под уздцы вниз и скрывает его в одной из пещер.

Фрика

Пусть святую честь
бессмертной супруги
хранит ныне щит ее!
Утратив почет
и мощную власть,
боги погибнуть должны,—
если дочь твоя,
как доблестный страж,
за право мое не отметит! —
Честь Фрики требует жертвы!
Клянется ли Вотан жене?

Вотан

(в страшном унынии бросаясь на уступ скалы, имеющий форму сидения)
Да, клянусь!..

Фрика возвращается в глубину сцены; там она встречается с Брунгильдой и на мгновение останавливается перед нею.

Фрика

(Брунгильде)

Здесь Вотан

ждет тебя:

жребий решенный

он укажет тебе! —

Она всходит на свою колесницу и быстро уезжает. Брунгильда в изумлении, с озабоченным видом, подходит к Вотану, который склонился на каменном сидении, погруженный в мрачное раздумье.

Брунгильда

Нет, видно

не к добру

жребий радует Фрику...

Что же, отец, —

какие вести?

Грустен ты и печален?..

Вотан бессильно опускает руку; голова его падает на грудь.

Вотан

В свои же сети

словлен я!

Всех меньше я свободен!

Брунгильда

Как мрачен ты стал!

Тебя не узнать!

Душевная боль Вотана, отражаясь на его лице и жестах, постепенно доходит до ужасающего порыва скорби.

Вотан

Священный позор!

Позорнейший стон!

Скорбь богов!

Скорбь богов!

Гнев без границ!

Боль без конца!

Страданье мое беспримерно!

Испуганная Брунгильда бросает щит, копье и шлем на землю и с озабоченной, встревоженной нежностью опускается к ногам отца.

Брунгильда

Отец мой, что ты,

милый, скажи мне!

Не пугай так свое же дитя!

Доверься мне!

Я вся твоя:
вот, — Брунгильда просит...

Робко ласкаясь, она кладет свою голову и руки ему на колени. — Вотан долго смотрит ей в глаза; затем с невольной нежностью гладит рукой ее локоны. Наконец, словно приходя в себя из глубокого раздумья, начинает.

Вотан

(очень тихим голосом)

В думах открыться, —
значит разрушить
преграду воли моей...

Брунгильда

(отвечая ему таким же шепотом)

Ты ей одной все скажешь,
мне доверив ее;
ведь я же —
только воля твоя...

Вотан

(очень тихо)

Что в тайне скрывал я от мира, —
то да пребудет
скрытым навеки...

Но ты, Брунгильда, —
то же, что я... —

(совсем пониженным, страшным шепотом)

Что в тайне скрывал я от мира, —
то да пребудет
скрытым навеки...

Но ты, Брунгильда, —
то же, что я...

Утратив радость
юной любви,
стремиться я к власти стал:

мой дух горел
желаний огнем
и добыл мне весь мир:

но, заблуждаясь,
ложью прельщенный,
зло договорами я скрепил:

в сети завлек меня Логе
а сам, как вихрь, исчез. —

От любви же не мог я отвлечься:
бесконечно жаждал я страсти.

А темный враг,
трусливый Нибелунг, —

Альберих страсть одолел:
он проклял любовь
и проклятьем достал
из Рейна клад золотой
и с ним безмерную власть.
Сумел я отнять
им скованный перстень,
но я не Рейну его вернул:
его я отдал
великанам
за блеск, за крепкий мой замок,
оплот вечный
власти моей.—
Провидя все
во тьме времен, Эрда,
священно-мудрая Вала,
страх мне внушила к кольцу,
вечный конец нам вещала...
О конце я хотел
все услышать,
но, смолкнув,
исчезла она...
(оживляясь)
Я утратил свой ясный дух,—
незнание томило меня;
и проник я в глубь,
в лоно земли,
пленил богиню
чарами страсти,
гордость ее сломил
и заставил все сказать.
Знание добыв у нее,
я сам ей любви дал залог,
и мудрость вещей снов
родила мне, Брунгильда, тебя.
С восьмью сестрами
выросла ты;
чрез вас, валькирий,
я стал бороться
с ужасом диким,
грозящим мне:
с позорной кончиной бессмертных.
(все более и более оживленно)
Чтоб мощной силой
встретить врага,
сбирать я героев велел вам:
всех тех, кого властно

закон наш держит, чья доблесть так
устрашает богов,
кто в цепях договоров,
в узах обманных,
покорно и слепо
к небу прикован,—
их всех подвигать
должны вы к сраженьям,
разжигать к лютой
войне их мощь,
чтоб смелых воинов сонмы
в Вальгалле моей стеклись!!

Брунгильда

И твой зал мы наполняем:
я многих тебе привела!
Так брось же тревогу, —
на нас ложись!

Вотан

(снова более пониженным голосом)

Другой бедой —
слушай и знай —
мне угрожает судьба!
Ночь-Альберих нам
гибель готовит,
питая ко мне
злобную зависть;
но полчища гнома
меня не пугают,—
победят их сонмы мои!
Только если перстень
вновь он добудет,—
тогда Вальгалла погибнет:
кто любовь отринул,
тот один
сможет силой кольца
повергнуть всех нас, свободных,
в вечный позор;
героев он
отвратит от меня,
заставит смелых
мне изменить
и силой их
меня победит...
Я обдумывать стал,—
как вырвать перстень у гнома.

Проклятым кладом
некогда двум великанам
я заплатил за труд;
ныне, брата убив,
сокровище Фафнер хранит.
Могу ли отнять я перстень,
ему в уплату мной данный?
Заклучив договор,
я связан в деяньях,
и пред врагом
безвластен мой дух...

(с горечью)

Это мой рок, мои оковы:
чрез договоры мощь,—
договоров жалкий я раб! —
Один лишь мог бы
вернуть кольцо...
герой, не знавший
немощи бога,
свободный от нас
и наших даров,—
без признанья,
без понужденья,
сам себе
и своим мечом.—
властен свершить,
что страшит меня,
о чем мечтаю я,
втайне лелея мечту! —
Он, соперник богов,
мой спаситель,
враждебный мне друг,—
найдется ли он?
Где муж непокорный,
герой бесстрашный,
чья свобода воли
мне так дорога?
Создам ли Другого,
кто вне меня
творил бы то лишь,
что надо мне? —
О, горе богов!
Страшный позор!
Противно видеть
только себя
во всех своих начинаньях!
Другого страстно желая,—

Другого не вижу нигде?
Свободный в свободе родится,—
я же лишь рабство плодил!

Брунгильда

Но твой Вельзунг, Зигмунд?
Он ведь не раб?

Вотан

Дико с ним
я о лесах скитался;
против небесной воли
я его возбуждал:
против небесной мести
есть у него только меч, —
(протяжно и горько)
что от меня же
принял он в дар!..
О, как хитро
себя обманул я!
Легко было Фрике
вскрыть эту ложь:
мой низкий стыд
прозрела она! —
(быстро)
С нею должен я согласиться!

Брунгильда

Так Зигмунд победы лишен?...

Вотан

Я коснулся золота сам,
жадно перстень схватил!
И вот надо мной
проклятье кольца:
что люблю я,
то должен бросить,
верным платить изменой,
смертью казнить
тех, кто мне мил! —

Выражение ужасного страдания переходит у Вотана и выражение полного отчаяния.

Вотан

Так погибай,
царственный блеск,
славы, величья
пышный позор!
Сломись, разбейся,
дело мое!
Я с ним расстаюсь;
одного лишь я хочу:
кончины...
кончины!..
(Он на мгновение умолкает в раздумье.)
Ее готовит нам Альберих...
Теперь мне ясен
зловещий смысл
речей загадочных Валы:
«Если мрачный враг Любви
злобно сына родит, —
богам недолго
ждать конца!» —
Недавно слух
дошел до меня,
что с женой одной он сошелся,
ее золотом взяв:
она несет
зависти плод,
и зреет зло
в лоне ее...
Так чудо свершил
любовь отвергший;
а мне и любовью не дан

свободный, желанный герой!
(*В горестном гневе поднимаясь во весь рост.*)
Прими же привет мой,
Ниблунга сын!
Прими в наследье,
что мне так противно, —
богов ничтожнейший блеск:
да сгинет он в злобе твоей!

Брунгильда

(*в страхе*)
А я, я-то...
что делать должна?..

Вотан

(*горько*)
Стой скромно за Фрику,
бейся за честь ея! —
(*сухо*)
Желанье Фрики —
закон для меня:
что пользы мне в личной воле?
Мне нельзя мечтать о свободном, —
итак, за рабство
бейся и ты!

Брунгильда

Ах, возьми
приговор назад!
Ты сына любишь!
Ты ему, я знаю,
хочешь победы!

Вотан

Смерти предан Зигмунд, —
пусть Хундинг в бою победит!
Труден твой долг,
сбери свою мощь,
доблестный дух свой
сильней напряги:
победный меч
держит Зигмунд, —
тверд он будет в борьбе!

Брунгильда

К сыну любовь
ты сам мне внушил,

он тебе
в геройстве высоком так дорог,
и вершить я не стану
твой новый приказ!

Вотан

Ах, дерзкая!
Споришь со мной?
Да кто ж ты,
как не слепая
тень воли моей? —
Иль тебе доверюсь,
стал я так слаб,
что моя же дочь
презирает меня? —
Знаешь ли ты мой гнев?
Смотри, берегись,
чтоб он, разящий,
не пал вдруг на тебя!
В груди моей
сокрытая буря
повергнуть в прах
может весь мир,
что был когда-то мне люб!

Горе жертвам ее!
Плакать будут они!
И мой совет —
меня не гневи!
Верши веленье мое!
Зигмунд кончен —
вот, что закон для тебя!

Он бурно удаляется и быстро исчезает слева в горах. — Брунгильда долго стоит в испуге и оцепенении.

Брунгильда

Нет, — он таким не бывал,
и гнев его
совсем иной...

(Она печально наклоняется и поднимает свои доспехи, которыми снова вооружается.)

Щит мой вдруг
тяжел мне стал...
Как он легок был
в привольных боях!
А нынче я робко
в бой иду...

(Она погружается в задумчивость, потом вздыхает.)

Увы, мой Вельзунг!
Тебя в беде
должен друг
вероломно покинуть! —

Она медленно направляется в глубину сцены. — Поднявшись на горный хребет и заглянув вниз, в ущелье, Брунгильда видит приближающихся Зигмунда и Зиглинду; она смотрит на них несколько мгновений. затем направляется в пещеру к своему коню, совершенно исчезая, таким образом, из глаз зрителя.

Картина вторая

Зигмунд и Зиглинда появляются на горном хребте. Зиглинда торопливо идет впереди; Зигмунд старается удержать ее.

Зигмунд

Стой, подожди!
Здесь отдохни!

Зиглинда

Дальше! Дальше!

Зигмунд

(удерживает ее нежным объятием)

Зачем бежать...

(Он крепко прижимает ее к себе.)

Усталость ломит тебя! —

Из неги блаженной

вырвалась ты,

дрожа, спеша,

бросилась прочь, —

я едва поспевал вослед...

Через лес и луг,

по уступам скал,

молча, дико

вдаль ты неслась, —

мой зов тщетно звучал!

(Она диким взором глядит в пространство.)

Сядь, отдохни!

Скажи что-нибудь!

Ужас молчанья прерви!

Видишь, — обнял

брат твой тебя:

Зигмунд, твой друг, с тобой!

Она с возрастающим восторгом глядит ему в глаза, затем страстно обнимает его шею и замирает в этом объятии. Вдруг она вздрагивает, охваченная внезапным ужасом.

Зиглинда

Беги! Беги!

Прочь от проклятой!

Мрак Геллы

в объятиях моих,

стыдом покрыто

тело мое:

прочь от трупа,

дальше беги!
Развей, ветер,
в ничто бесчестный,
позорный мой прах!...
Когда ты обнял меня,
когда я восторг пила,
когда любовью твоей
согрелось сердце мое, —
в этот миг упоенья,
счастья святого,
когда сбылись
мечтанья мои, —
страх, отвращенье,
стыда трепетанье
вдруг охватили
душу презренной,
что без любви,
как раба,
была другого женой! —
Прочь от порочной,
дай ей бежать!
Проклятье падшей,
погибшей жены!
Ты, чистый, должен
жалкую бросить, —
быть близкой тебе
она недостойна!
Другу — злое бесчестье,
брату — стыд я несу!

Зигмунд

Твои слезы стыда
искупит злодея кровь! —
Так будь же спокойна,
враг недалеко, —
здесь с ним я покончу:
когда Нотунг
его пронзит, —
будешь ты отомщена!

Зиглинда

(делает движение испуга и прислушивается)

Чу! Тревога...
звуки рогов!
Дикий рев,
яростный клич!
Весь лес кругом

шумно звучит!..
Хундинг проснулся
от крепкого сна!
Кличет родню он,
псов собирает:
к травле стремясь,
воет свора,
лай к небу несется
о мщенье неверной жене!
(Она, как безумная, устремляет пристальный взор в пространство.)
Ты скрылся, Зигмунд?
Милый, вернись!
Страстно любимый,
солнечный брат мой!
Блеск очей твоих
пусть еще раз сверкнет мне:
не отвергай
оскверненных ласк моих! —
(Она, рыдая, бросается к нему на грудь: затем снова боязливо вздрагивает.)
Чу! Ты слышишь?
Это Хундинга рог!
И собаки с ним
сюда бегут!
Твой меч слаб
против стаи злой:
брось его, Зигмунд!
Зигмунд, — да где ж ты? —
Ах, вот... я вижу тебя!
Ужас и мрак!
Скалят зубы
свирепые псы, —
не страшен своре
твой гордый взор, —
и клыки вонзаются
в ноги твои!..
Ты пал...
в осколки разбился меч...
И яшень пал...
сломился ствол!..
Брат мой!
Супруг мой! —
Зигмунд! — Ах...
(Она падает без чувств на руки Зигмунда.)

Зигмунд

Здесь я! С тобою!

Он прислушивается к ее дыханию и убеждается, что она еще жива. Садясь сам, он

опускает ее на землю возле себя, причем кладет ее голову себе на колени. В этом положении они пребывают до конца следующего явления.

Долгое молчание, во время которого Зигмунд с нежной заботливостью склоняется над Зиглиндой и долгим поцелуем целует ее в лоб.

Брунгильда, ведя своего коня под уздцы, выходит из пещеры и подвигается вперед медленно и торжественно. Она останавливается и смотрит на Зигмунда издали; затем снова медленно идет вперед и останавливается на более близком расстоянии от него. Держа щит и копье в одной руке, она опирается другой на шею коня и в такой позе с серьезным выражением лица взирает на Зигмунда.

Брунгильда

Зигмунд! —

Близок час!

Я за тобой пришла!

Зигмунд

(оглядываясь на нее)

Но кто же ты?

Кто предстал мне в строгой красе?

Брунгильда

Я вещий вестник

светлой смерти:

кто встретил мой взор,

тот очи смежит навек...

Я — виденье бойцов

на поле брани:

видит меня герой,
избранный мной!

Зигмунд долго глядит ей в глаза испытующим и твердым втором, затем склоняет в раздумье голову; наконец, он снова решительно обращается к Брунгильде.

Зигмунд
Избрав бойца,
ты куда с ним уходишь?

Брунгильда
К отцу, властелину войны,
в вечный зал:
Валгалла ждет тебя.

Зигмунд
Я там найду
только отца твоего?

Брунгильда
Героев павших
сонм святой
в свой круг с приветом
примет тебя.

Зигмунд
Встретит ли сына в замке
отец мой Вельзе?

Брунгильда
В Валгалле Вельзунг
отца найдет!

Зигмунд
(нежно)
Ждут ли меня там
ласки жены?

Брунгильда
Дев чудных
встретишь ты там:
меда рог
подаст тебе Вотана дочь!

Зигмунд
(после некоторого молчания)
Ты дивна;

тебе я послушен,
дитя богов!
Одно скажи мне, богиня:
пойдет ли за братом
сестра и подруга?
Зиглинду Зигмунд
встретит ли там?

Брунгильда

Рок велит
здесь ей остаться:
Зигмунд Зиглинды
там не найдет.

Зигмунд нежно склоняется к Зиглинде, тихо целует ее в лоб и снова спокойно обращается к Брунгильде.

Зигмунд

Прощай тогда Вотан
и его замок!
Шлю привет Вельзе
и всем героям,
также и чудным
девам замка: —
(очень решительно)
в Валгаллу я не пойду!

Брунгильда

Ты видел Валькирии
взор роковой, —
и с нею ты пойдешь!

Зигмунд

С Зиглиндой делить
печаль и смех, —
вот что Зигмунд желает;
от взоров твоих
я не бледнею, —
не властна ты надо мной!

Брунгильда

Пока ты жив,
волен твой дух;
но смерть сильнее тебя: —
я возвещаю
смерть тебе!

Зигмунд

От чьей же руки
я должен пасть?

Брунгильда

Хундинг сломит тебя!

Зигмунд

Грози сильнее, —
он мне не страшен!
Если ты здесь
ждешь себе жертв, —
можешь Хундинга взять:
его я мечтаю сразить!

Брунгильда

Нет, Вельзунг, —
слушай меня:
ты обречен судьбой!

Зигмунд

Видишь мой меч?
Я не боюсь твоих угроз:
этот меч для победы мне дан!

Брунгильда

(очень сильно подчеркивая слова)
Тот, кем он дан,
решил твою смерть:
этот меч он силы лишил!

Зигмунд

(быстро)
Тише! Не надо
тревожить ее! —
(Он нежно склоняется к Зиглинде, давая исход своей скорби.)
О, скорбь! —
Бедная ты!
Всех верных подруг ты несчастней!
На тебя яростно
мир весь напал, —
а я, твой единственный друг,
тебя на мятеж возбудив, —
в борьбе я должен
смелую бросить,
не смею тебя защитить? —
Ха! Стыд тому,

кто вручил мне меч, —
он отнял назад свой дар!
Но мне не надо
блаженства Валгаллы:
Гелла примет меня!
(Он низко наклоняется к Зиглинде.)

Брунгильда

(пораженная)

Так мало ценишь ты
вечную радость?
Так тебе
дорога жена,
в тоске бессильной
жалко упавшая здесь?
Все другое — ничто?

Зигмунд

(бросая на нее горький взгляд)

Так юн и прекрасен
светлый твой лик, —
и тепла так мало
в сердце твоём! —
Оставь глумленья
и прочь улетай,
дитя бездушных небес!
И если ты рада
беде моей, —
ну, что ж! ты слышишь мой стон:
насладись вдосталь
страданьем моим, —
но в холодный блеск
Валгаллы я не спутник тебе!

Брунгильда

(с возрастающим волнением)

Я чувствую скорбь
горделивой души,
печальюсь тоской
священной твоей...
Зигмунд! Доверь мне жену!
Мой щит ее охранит!

Зигмунд

Нет, кроме меня
этой чистой никто не коснется;
и раньше, чем пасть,

я убью несчастную сам!

Брунгильда

Вельзунг! Бешеный!
Дай мне жену!
доверь мне ее
ради жизни новой,
что в ней зачалась от тебя!

Зигмунд

(беря в руку меч)
Мой меч,
что герою обманщиком дан,
мой меч, —
позорной измены залог, —
пусть не разит он врага,
но друга он может убить!
(Он замахивается мечем над Зиглиндой.)
Две жизни
видишь ты здесь:
возьми их, Нотунг,
жадная сталь!
Обе зараз возьми!

Брунгильда

(в сильнейшем, бурном порыве сочувствия)
Постой! Вельзунг!
Слушай меня!
Пусть живет Зиглинда!
И Зигмунд — с нею живи!
Так быть должно!
Я жребий меняю:
ты, Зигмунд,
жди победы в бою!
(Издаലെка доносятся звуки рога.)
Слышишь ли зов?
Готовься, герои!
Смело рази,
на меч положишь:
он верен тебе,
а Валькирия — верный твой щит! —
Прощай, Зигмунд,
светлый герой!
Не надолго мы расстаемся!
Она удаляется бурным бегом и исчезает вместе с конем в одной из боковых расселин справа. Зигмунд глядит ей вслед радостным и ободренным взором.
На сцене мало-помалу стемнело: тяжелые грозовые тучи нависают над задним

планом и постепенно совсем закрывают утесы скал, ущелье и горный хребет.

Картина третья

Зигмунд снова склоняется к Зиглинде, прислушиваясь к ее дыханию.

Зигмунд

В чарах сна
забылась тихо
боль ее души...
Иль Валькирия,
дочь богов,
забвенье навеела ей? —
Жребий свирепой борьбы
усталую мог испугать...
Крепко спит,
словно жизнь ушла:
бедняжку ласкает
радостный сон...
(Вдали снова раздаются звуки рога.)

Так спи, отдыхай!

Пролетит гроза, —
и мир к тебе сойдет!

Он осторожно кладет Зиглинду на каменное сидение и еще раз на прощанье целует ее в лоб. — Услышав рог Хундинга, он решительно поднимается.

Зигмунд

Готовься сам,
кто кличет меня, —
плата моя ждет тебя:
Нотунг выплатит долг!

Он взмахивает мечем, поспешно направляется к заднему плацу и, поднявшись на гору, тотчас же исчезает в мрачных грозových тучах. В этот момент молния прорезает их тьму.

Зиглинда начинает беспокойно двигаться во сне.

Зиглинда

Что же отец не идет!
Вместе с братцем он бродит в лесу...
Мама! Мама!
Как страшно мне!
Чужие люди
смотрят враждебно!
Дым чернеет...
тяжко дышать...
Красное пламя
лижет наш дом...
Вот он горит!

На помощь, брат мой!

Зигмунд! Зигмунд!

(Она вскакивает. Яркая молния и сильный раскат грома.)

Зигмунд! — Ах!

Она с возрастающим ужасом глядит во все стороны: почти вся сцена заполнена черными грозowymi тучами. Рог Хундинга звучит вблизи.

Голос Хундинга

(в глубине сцены, с горного хребта)

Скорбный! Скорбный!

Выйди на бой!

Или ты псами затравлен?

Голос Зигмунда

(еще дальше, из глубины ущелья)

Ты скрылся, друг,

чтоб промахнулся я?

Стой. — дай мне нацелить!

Зиглинда

(прислушиваясь в крайнем ужасе)

Хундинг! Зигмунд!

Мне их не видно!

Хундинг

Сюда, безбожный бродяга!

Фрика мстит тебе здесь!

Зигмунд

(теперь тоже на хребте)

Ты вздумал пугать меня,
жалкий трус?

Прячься за женщин,

но сам сражайся, —

не то и Фрика уйдет!

Смотри: из ствола

в жилище твоём

бесстрашно вырвал я меч!

Вот испробуй острую сталь!

Зиглинда

(изо всех сил)

Я одна виновна!

Убейте меня!

Она устремляется к горе, но яркий свет, прорвавшийся из мрака справа над бойцами, внезапно ослепляет ее, и она, ничего не видя, отшатывается в сторону.

В сиянии этого света появляется Брунгильда, парящая над Зигмундом и прикрывающая его своим щитом.

Брунгильда

Бейся, Зигмунд!

Смело ударь!

В тот момент, когда Зигмунд замахивается мечом, намереваясь нанести смертельный удар Хундингу, слева из туч прорывается красновато-огненный свет; в этом свете виден Вотан, стоящий над Хундингом и протянувший свое копьё под удар Зигмунда.

Вотан

Пади пред копьём!

В осколки твой меч!

Брунгильда со своим щитом и страхе отступает перед Вотаном. Меч Зигмунда разбивается о протянутое копьё. Хундинг ударом своего копья поражает в грудь оставшегося без оружия противника. Зигмунд падает мертвый. Зиглинда, слышавшая его смертный стон, с криком безжизненно опускается на землю.

С падением Зигмунда свет с обеих сторон мгновенно исчезает; густая тьма туч окутывает сцену до переднего плана. Во мраке смутно видна Брунгильда, вне себя спешащая к Зиглинде.

Брунгильда

Скорей!

Надо спастись!

Она быстро поднимает Зиглинду на своего коня, стоящего близ боковой расселины, и тотчас же исчезает с нею.

Немедленно вслед затем тучи разделяются посередине, так что ясно виден Хундинг, только что вынувший свое копье из груди павшего Зигмунда. — Вотан, окруженный тучами, стоит на скале позади Хундинга, опираясь на свое копье и горестно глядя на тело Зигмунда.

Вотан

(после некоторого молчания, Хундингу)

Ступай, раб!

Склонись к ногам Фрики:

скажи ей, что Вотан сам

ее обиду смыл...—

Ступай! — Ступай! —

От его презрительного мановения руки Хундинг падает мертвый. — Вотан внезапно приходит в страшную ярость.

Вотан

Но Брунгильда! —

Горе преступнице!

Тяжко она искупит вину!—

За нею, конь мой, вослед!

Он исчезает в громе и молнии. — Занавес быстро падает.

Картина первая

Вершина скалистой горы.

Справа сцену окаймляет еловый лес. Слева — вход в скалистую пещеру, над которой гора достигает своей высшей точки. В глубине сцены, над откосом, вид совершенно открыт; утесистые камни различной высоты образуют край откоса. Отдельные группы облаков, гонимые бурей, проносятся над обрывом.

Герхильда, Ортлинда, Вальтраута и Швертлейта — все в полном вооружении — расположились на крайней вершине горы, над пещерой.

Герхильда

(стоящая выше всех, кричит в глубину сцены, где надвигается большая туча)

Heiaha! Heiaha

Хельмвига! Эй!

Эй! Лети же сюда!

В туче сверкает молния, освещая летящую на коне Валькирию; поперек ее седла висит тело павшего воина.

Голос Хельмвиги

(в глубине)

Nojotoho! Nojotoho!

Приближаясь, видение проносится над откосом слева направо. Герхильда, Вальтраута и Швертлейта ответным кличем приветствуют прибывающую сестру. Туча исчезла, вместе с видением, справа за лесом.

Ортлинда

(кричит в сторону леса)

К моей кобылице

ставь жеребца:

любит Гнедой

пастись вместе с Серой!

Вальтраута

(тоже)

В седле твоём Зинтольт?

Хельмвига

(выходя из леса)

Да, Зинтольт Хегелинг!

Швертлейта

Прочь уведи

Гнедого от Серой:

сын Ирма. Виттиг -

избранник Ортлинды!

Герхильда

(спустившись немного ближе к ним)

Врагами считались

Зинтольт и Виттиг!

Ортлинда

(вскакивает с места и бежит в лес)

Heiaha! Гнедой

лягает ее!

Герхильда, Хельмвига и Швертлейта раздражаются громким хохотом.

Герхильда

Вражда героев

ссорит животных!

Хельмвига

(обернувшись, кричит в лес)

Смирно, конь мой!

Серой не трогай!

Вальтраута

(сменившая Герхильду на вышке)

Nojotoho! Nojotoho!

(Она кричит в глубину, вправо.)

Зигруна, к нам!

Где медлила ты?

Она прислушивается к звукам справа. Подобно Хельмвиге, теперь в воздухе летит на коне Зигруна, направляясь к лесу.

Голос Зигруны

(из глубины справа)

Была работа!

Остальные уж здесь?

Валькирии кличут направо в глубину. Их движения, равно как и яркий блеск, засветившийся позади леса, показывают, что Зигруна уже достигла горы. Из глубины слева раздаются сразу два голоса — Гримгерды и Росвейсы.

Вальтраута

(обернувшись налево)

Мчится Гримгерда!

Герхильда

(тоже)

С Росвейсой вдвоем!

В озаренных блеском молнии тучах, проносящихся слева, появляются вместе Росвейса и Гримгерда, тоже верхом на конях; у каждой из них на седле — павший воин. — Хельмвига, Ортлинда и Зигруна выходят из леса и с края обрыва приветствуют жестами прибывающих.

Хельмвига, Ортлинда и Зигруна

Сюда, наездницы!

Здравствуйте, быстрые!

Видение исчезает позади леса. — На приветственный клич Росвейсы и Гримгерды все остальные Валькирии дружно отвечают.

Герхильда

(кричит в сторону леса)

Коней отпустите

на отдых в лес!

Ортлинда

(тоже)

Только с другими

рядом не ставьте, —

пока у героев
злость не прошла!

Хельмвига

(в то время, как другие хохочут)

За злость бойцов

уж Серой досталось!

Росвейса и Гримгерда с кличем выходят из леса.

Валькирии

Привет вам! Привет вам!

Швертлейта

Вы сражались вдвоем?

Гримгерда

О, нет, — нынче

лишь мы встретились с ней!

Росвейса

Если все мы слетелись, —

не надо медлить:

в Валгаллу мчаться пора, —

Вотан избранных ждет!

Хельмвига

Восемь лишь нас, —

одной еще нет!

Герхильда

Задержал Брунгильду

Вельзунг отважный!

Вальтраута

Мы здесь должны

дождаться се:

ласков не будет

с нами отец,

не видя Брунгильды средь нас!

Зигруна

(на сторожевой вышке)

Нојотоһо! Нојотоһо!

(крича в глубину сцены)

Сюда! Сюда!

(обращаясь к остальным)

Брунгильда, как ветер,

мчится к скале!

Все Валькирии спешат на вышку и окликают Брунгильду. С возрастающим удивлением они заглядывают вдаль.

Вальтраута

Повернул к лесу
измученный конь...

Гримгерда

Храпит Гране,
летит стрелой...

Росвейса

Ни разу еще
так мы не мчались!

Ортлинда

Кто с нею, глядите!

Хельмвига

То не герой!

Зигруна

Это женщина!

Герхильда

Откуда, зачем?

Швертлейта

Она не шлет
сестрам привета!

Вальтраута

(кричит вниз, очень громко)

Heiaha! Брунгильда!

Слышишь ли нас?

Ортлинда

Помочь ей надо
с коня спуститься!

При общем кличе Хельмвига и Герхильда бегут в лес. За ними следуют Зигруна и Росвейса.

Вальтраута

(глядя в лес)

Упасть готов

Гране могучий!

Гримгерда

Вот жену с седла
спешит она снять!

Все Валькирии

(бегут в лес)

Что ты, радость?

Что с тобой?

Все Валькирии возвращаются на сцену; с ними идет Брунгильда, поддерживая и ведя Зиглинду.

Брунгильда

(задыхаясь)

Спрячьте... Беда!

Спасите нас!

Валькирии

Откуда так бурно

к нам ты неслась?

Так мчится только беглец!

Брунгильда

Спасаясь я бегством, —

ах, в первый раз!

Вотан летит за мной!

Все Валькирии

(перепуганные)

Что ты сказала?

Что? Сам отец?

Безумье дикое!

Может ли быть?

Брунгильда

(боязливо заглядывает в глубину и снова возвращается на авансцену)

Взгляните, сестры,

с вершины утеса!

Там, на севере,

виден ли он?

Ортлинда и Вальтраута быстрыми прыжками занимают сторожевой пункт на вершине утеса.

Брунгильда

Что? — Близко уже?

Ортлинда

На севере буря чернеет!

Вальтраута

Тучи грозы
движутся там?

Валькирии

Вотан летит
на священном коне!

Брунгильда

Охотник страшный
за мною вослед
сюда, сюда несется!
Сестры, сжальтесь!
Скройте нас!

Валькирии

Кто женщина эта?

Брунгильда

Наспех скажу вам:
это Зиглинда, —
Зигмунд брат ей и муж...
Яростным гневом
пылает Вотан на них...
У брата ныне
он мне велел
победу отнять;
но я бойца
прикрыла щитом,
отцу вопреки, —
и Зигмунда сам он сразил...
Зигмунд пал,
а я... к вам
помчалась с женой...
Вы спасите, сестры, ее, —
(падая духом)
и меня, молю, укройте
от разящей руки!..

Валькирии

(в величайшем смущении)
Что ты свершила, безумная?
Горе! Горе!
Горе Брунгильде!
Так дерзко ты отвергла

святое веленье отца?

Вальтраута

(на сторожевой вышке)

Страшно с севера
тянется мрак!

Ортлинда

(там же)

Черным вихрем
буря плывет!

Валькирии

(заглядывая в глубину сцены)

Ржет дико
Вотана конь!
Храп ужасен его!

Брунгильда

Горе несчастной,
— ей гибель грозит:
всех Вельзунгов бог
решил уничтожить! —
Кто даст мне из вас
лихого коня,
чтоб он Зиглинду умчал?

Зигруна

И нас ты хочешь
с нею сгубить?

Брунгильда

Росвейса, друг мой,
ты должна помочь мне!

Росвейса

Бежать от отца
не может мой конь!

Брунгильда

Хельмвига, слушай!

Хельмвига

Отцу я послушна!

Брунгильда

Дайте коня мне, —
Гримгерда, Герхильда!
Я погибаю, —
Швертлейта, Зигруна!..
О, помогите
вашей сестре!
Сжальтесь над этой женой!

Зиглинда, все время мрачно и холодно глядевшая в пространство, вздрагивает и делает отклоняющий жест, когда Брунгильда пылко обнимает ее, как бы защищая.

Зиглинда

Не надо мне жизни спасать:
только смерть мне нужна...
Зачем ее
ты жертвы лишила?
Удар, что Зигмунда
там сразил,
и Зиглинде мог бы
принести конец:
мы с ним, обнявшись,
ушли бы в смерть! —
Нет со мною,
Зигмунд, тебя! —
Убей во мне, смерть, эти мысли! —
(Брунгильде)
Чтоб не кляла я
нашего бегства,

ты услышь моление Зиглинды:
в сердце ей меч свой вонзи!

Брунгильда

Жить ты должна
для любви бессмертной!

Вспомни залог,
что он сам дал тебе:

(сильно и выразительно)

жив Вельзунг в лоне твоём!

Зиглинда сначала содрогается от ужаса; однако тотчас же ее лицо просветляется высокой радостью.

Зиглинда

Спрячь меня, дева!

Жизнь мне спаси! —

Скройте, могучие,
мать и дитя!

Грозовые тучи, все более и более мрачные, заволакивают глубину сцены.

Вальтраута

(на вышке)

Надвинулась тьма!

Ортлинда

(там же)

Прочь, кто трепещет!

Валькирии

Женщину дальше,

дальше гони!

Валькирии ей

не смеют помочь!

Зиглинда

(на коленях пред Брунгильдой)

Скрой меня, скрой!

Мать умоляет?

Брунгильда

(быстро приняв решение, поднимает Зиглинду)

Беги же скорее, —
одна, без меня!
Я — здесь остаюсь, —
мщенью отца отдамся:
его гнев
на себя отвлеку,
чтоб тебе было время спастись!

Зиглинда

Где я должна укрыться?..

Брунгильда

Кто из вас, сестры, был на востоке?

Зигруна

Дремучий лес
раскинулся там:
туда Нибелунгов перстень
Фафнер унес.

Швертлейта

Образ, приняв
страшного змея,
в пещере дикой
он охраняет свой клад!

Гримгерда

Беззащитной будет
ужасно там!

Брунгильда

И все ж от гнева отца
лес ее сбережет:
могучий бог избегает тех мест...

Вальтраута

(на вышке)
Вотан мчится
яростно к нам!

Валькирии

Слышишь, Брунгильда,
как близко гроза?

Брунгильда

(торопя Зиглинду)

Прочь беги же,
спеши на восток!
Бодро и стойко
невзгоды неси,
голод терпи,
с жаждой мирись,
смейся в беде,
страданья забудь!
Одно лишь знай,
одно запомни:
светлейший в мире герой
жизнью трепещет
в лоне твоём! —
(Она достаёт из-под панциря осколки меча Зигмунда и передает их Зиглинде.)
Храни для него
меча осколки, —
их на месте боя
поднять я успела:
кто вновь взмахнет
воскресшим мечем,
тому я имя даю —
«Зигфрид», — Веселье побед!

Зиглинда

(в величайшем умилении)
О, светлое чудо!
Дева небес!
Ты в сердце мне

отраду влила!
Пусть он, наш любимый,
в сыне воскреснет!
Улыбнись тебе
радостный день! —
Я бегу!
Прими мой скорбный привет!

Она поспешно убегает направо, в одну из передних кулис. — Вся скалистая вершина горы обложена черными грозowymi тучами; ужасная буря мчится из глубины сцены: огненное сияние разгорается справа, в еловом лесу. В раскатах грома слышен

Голос Вотана

Стой! Брунгильда!

Ортлинда и Вальтраута

(спускаясь с вышки)

Скалы достигли
конь и всадник!

Валькирии

О, ужас! Мщенье зажглось!

Брунгильда. некоторое время следившая глазами за убегавшей Зиглиндой, устремляется в глубину сцены, заглядывает в лес и снова, охваченная робостью, возвращается на авансцену.

Брунгильда

Ах, сестры, помощь
дайте мне!

Отца смягчите!

Меня убьет
гневный бог!

Валькирии в боязливой растерянности торопливо поднимаются на утес, увлекая с собой Брунгильду.

Валькирии

Сюда, погибшая!

Скройся скорей!

Стань среди сестер,
склонись и молчи!

Они прикрывают собою Брунгильду и робко глядят в сторону леса, который теперь освещен ярким огненным сиянием, в то время как глубина сцены погрузилась в совершенный мрак.

Валькирии

Ах! Грозно спрыгнул
Вотан с коня!
В гневе лютом
Мститель идет!

В величайшем гневном возбуждении Вотан выходит из леса и, глазами ища Брунгильду, стремительно направляется к группе Валькирий, расположившейся на вышке.

Вотан

Где Брунгильда?
Где дерзновенная?
Скрыть вы посмели
созданье злое?

Валькирии

Страшно звучит твой голос!
В чем мы, отец, виноваты?
Чем возбудили мы
ярость твою?

Вотан

Это глумленье?
Горе вам, дерзким!
Сестру прячете
вы от меня!
Прочь от нее,
навеки погибшей!
Она сама от вас ушла!

Валькирии

Она к нам прилетела,
здесь ждала помощь найти...
Холодный страх
сестре ты внушил!
Пощади Брунгильду!
(неотступно)
Сжался, отец,
и жестокий гнев свой смягчи!

Вотан

Как жалостлив
женский ваш дух!
Такой ли дух
вдохнул вам отец?
Затем ли он вам
сердца закалил,
твердой броней
вам грудь покрыл, —
чтобы слышать ваш жалкий плач,
в час, когда он измену казнит?
Так знайте, робкие,
кем стала та,
о ком вы вздумали
дружно рыдать! —
Только она
воли моей знала тайну!
Она — лоном была
желаний моих! —
И связь святую
она порвала
изменой дерзкою
воле отца!
Веленье мое
явно презрев,
на меня копье подняла,
что я сам же ей вручил! —
Слышишь, Брунгильда?
Ты, воспринявшая
шлем и щит,
радость и блеск,
имя и жизнь от меня?
Слыша мое обвиненье,
лицо ты прячешь робко
и казни своей бежишь?

Брунгильда выходит из группы Валькирий; она покорно, но твердо спускается с

вершины утеса и останавливается в небольшом расстоянии от Вотана.

Брунгильда

Я здесь, отец мой...
Казни же Брунгильду!

Вотан

Твой грех — твоя казнь:
ты сама казнила себя!
Моею волей
ты создана —
и отвергла волю мою;
ты вдохновляла
веленья мои —
и мои веленья презрела:
мой дух
был твоим —
и восстал он против меня;
твой щит
был моим —
и поднялся он на меня;
ты, знавшая
выбор мой, —
вопреки мне жребий решила;
ты, сзывавшая
мне бойцов, —
созвала их против меня же!
Чем ты была, —
сказал тебе Вотан:
чем стала ты, —
скажи себе сама! —
Мне ты больше не дочь!
Валькирией прежде была ты,
(резко)
но впредь ты будешь —
тем, что ты есть!

Брунгильда

(в ужасе)
Ты отверг меня?
Ужасная мысль...

Вотан

Не вступишь ты больше в Валгаллу:
на битву к бойцам
ты не пойдешь,
не будешь героев

вводить в мой зал!
На пиру богов отрадном
не ты мне подашь
наполненный рог,
и щек твоих нежных
я не коснусь!
От сонма богов
ты прочь отпала, —
вечный ствол
отбросил мертвую ветвь!
Разорван дивный союз, —
ты не увидишь
веки меня!

Валькирии в большом возбуждении покидают свои места и спускаются немного ниже.

Валькирии

Горе! О, горе Брунгильде!

Брунгильда

Все, что ты дал мне, —
все взял назад?

Вотан

Тот все возьмет,
кто возьмет тебя!
Сюда, на утес,
изгнана ты;
беспомощный сон
свяжет тебя:
тот путник деву возьмет,
кто найдет и разбудит ее!

Валькирии в величайшем волнении спускаются совсем с вершины и боязливymi группами окружают Брунгильду, которая на коленях полулежит пред Вотаном.

Валькирии

Отец! Не надо!
Прости, прости!
Неужели муж
овладеет сестрой?
Грозный отец!
Молим тебя!
Страшный позор
от нас отврати!
Этот тяжкий стыд

на всех нас, сестер, падет!

Вотан

Слышали вы
мой приговор?
Никто из вас
вероломной сестры не увидит;
ей не летать
в облаках на коне вместе с вами;
ей девственным цветом
недолго цвести, —
отдаст она мужу
свой женский расцвет:
супруг- повелитель
введет ее в дом, —
за прялку сядет она, —
пусть смеется над нею мир!

Брунгильда с криком падает ниц. Валькирии с бурным шумом в ужасе отшатываются от нее.

Вотан

Ясно ли вам?
Бегите же в страхе!
Прочь от сестры,
забудьте ее!
Та, кто посмеет
с нею остаться,
кто дерзновенно
ей помощь подаст, —
разделит жребий ее!
Так знайте же это все! —
Мчитесь скорей,
прочь улетайте!
Дальше, дальше отсюда!
Здесь теперь горе живет!

Валькирии с диким криком рассеиваются и в поспешном бегстве устремляются в лес. Черные тучи плотной массой тянутся у края обрыва: слышен дикий шум в лесу. Яркая молния прорезает тучи; в ее свете видны Валькирии: сбившись в тесную кучу, они бешено, во весь опор мчатся прочь от горы. Вскоре буря стихает; грозовые тучи мало-помалу расходятся. Во время последующей сцены, — при успокоившемся, наконец, небе, — наступают вечерние сумерки, за которыми, в заключение, следует ночь.

Вотан и Брунгильда, все еще распростертая у его ног, остались одни. — Долгое, торжественное молчание, при неизменном положении обоих.

Брунгильда начинает медленно подымать голову.

Брунгильда

(сначала робко и тихо, затем более уверенно)

Так ли позорно
дело мое,
что так позорно
ты дочь свою казнишь?
Так ли низка
Брунгильды вина,
что так унижить
ее ты решил?
Так ли бесчестна
дерзость моя,
что ты обрек
на бесчестье меня?

(Она понемногу поднимается, но некоторое время еще продолжает стоять на коленях.)

Отец, молви!
В очи взгляни мне,
гнев свой смягчи
строгость забудь

и ясно мне сам
открой мой грех,
что тебе упорно велит
оттолкнуть дорогое дитя!

Вотан

(не меняя положения, строго и мрачно)

Дело твое
само являет твой грех!

Брунгильда

Воле твоей
была я верна...

Вотан

Велел ли я
стать за Вельзунга в битве?

Брунгильда

Так мне приказал
властитель бойцов!

Вотан

Но ведь решение это
взял я назад!

Брунгильда

Решенье твое
отторгнула Фрика:
чужою волей плененный,
ты себе стал врагом.

Вотан

(тихо и горько)

Видя, что ты все постигла,
велел я смириться тебе;
но ты отца
слабым сочла!
И должен забыть он измену?
Иль пред ним так ничтожна дочь?

Брунгильда

Я мало знаю, —
одно лишь я знала:
что ты Вельзунга любишь.
В разладе с собою
ты решил

расстаться с этой любовью.
Другое видел
ты пред собой,
надрывая сам
сердце свое:
что Зигмунд должен погибнуть!

Вотан

Ты знала о том —
и стала все ж за него?

Брунгильда

(тихо начиная)

Ибо взор мой видел
любовь лишь твою,
но от этой любви
ты вынужден был
в страшной тоске отвернуться!
Мне, привыкшей в битвах
твой тыл охранять, —
мне виден был тот,
кто стоял за тобой:
Зигмунд смущал мой взор! —
Вот я предстала ему...
Смерть возвещая,
речь с ним вела...
Я проникла в святость
доблестных мук.
стоны героя
мне громко звучали:
страсти свободной
страшная боль,
скорбного духа
мощный порыв!
Услыхал мой слух,
увидал мой взор
то, что тайно тлело
огнем священным
в сердце моем...
Я дивилась —
в страхе, в стыде...
Лишь о страдальце
думать могла я:
с ним разделить
победу иль гибель, —
вот что осталось
Брунгильде избрать! —

Ты мне любовь такую
в грудь вдохнул,
твоею волей
Вельзунг стал мне люб;
и, помня ее,
жребий выбрала я!

Вотан

Ты свершила то,
что свершить и сам я мечтал,
но что рок двойной
не дал мне совершить!
Ты просто и легко
там вкусила блаженство,
где грудь мою
пожирал огонь,
где я принужден был
злой судьбой —
из любви к вселенной
родник любви
заглушить в измученном сердце?
И там, где в тоске
я с собою боролся,
в бессильном гневе
рвался и падал,
где безнадежной
жажды порыв
внушил мне ужасную мысль —
уничтожить мной созданный мир
и мои страдания с ним вместе: —
там радость сердца
ты познала,
там умиленья
сладкий восторг,
смеясь, ты в чаше
любви пила, —
чтоб я, страждущий бог,
горькую желчь лишь вкушал?
(сухо и коротко)
Так живи и впредь
легкой судьбою:
союз наш разбила ты.
Расстаться должны мы;
мне больше нельзя
с тобой шептаться тайно;
вдали мы будем
жить друг от друга:

тебя больше нигде
никогда отец твой не встретит!

Брунгильда

(просто)

Тебе бесполезна
дочь была,
понять не сумела
воли твоей;
а самой мне разум
одно лишь внушал:
любить то, что ты любил. —
Если, прощаясь
со мной навеки,
ты ломаешь созданье свое
души своей же.
долю бросаешь, —
то все же ты не забудешь,
что я — твое дитя!
Ты часть себя
не станешь бесчестить,
ты не захочешь
мой стыд принять:
ты сам будешь унижен,
видя Брунгильды позор!

Вотан

Ты шла блаженно любви вослед:
пусть же твой муж поведет тебя!

Брунгильда

Если должна Брунгильда,
тебя и Валгаллу покинув,
властителю-мужу
покорно служить, —
во власть раба
меня не бросай!
Героем гордым
пусть будет он!

Вотан

Мой жребий отвергла ты, —
и я не властен в твоём.

Брунгильда

(тихо, с интимной таинственностью)

Геройский ты род породил, —

он вырастить труса не может:
великая ветвь, — я знаю, —
украшит Вельзунгов ствол...

Вотан

Кончился Вельзунгов род!
Тебя отвергнув,
бросил я их
в добычу зависти злой!

Брунгильда

То, что ты бросил, —
мною спасено:
(тайно)
Зиглинда плод
священный хранит;
в слезах, в страданиях
неслыханно тяжких
сына-героя она родит...

Вотан

Не жди от меня
помощи им:
чужды будут
оба мне!

Брунгильда

(все также тайно)
Поможет им меч.
что вручил ты сыну...

Вотан

(быстро)
И что сам я в куски разбил!
(молчание)
Зачем, дитя,
ты дух мой смущаешь!
Свой жребий прими, —
как выпадет он:
избрать его мне нельзя! —
Но в путь мне пора,
вдаль от тебя;
промедлил долго я здесь...
От отступницы прочь отвернусь, —
надежд ее
не должен я знать:
наказав ее,

я расстанусь с ней!

Брунгильда

Что претерпеть
должна Брунгильда?..

Вотан

Я крепким сном
сомкну твой взор:
кто здесь разбудит тебя, —
того ты станешь женой!

Брунгильда

(бросаясь на колени)

Но свяжут меня
сна оковы, —
и я достанусь
в добычу трусу!
Одно исполнить ты должен, —
святого страха мольбу!
Ты спящую скроешь
оградю грозной, —
чтоб лишь бесстрашный,
гордый герой
здесь на скале
меня нашел!

Вотан

Смела чрезмерно
твоя мечта!

Брунгильда

(обнимая его колени)
Одно лишь это исполни!
Отец, уничтожь
дитя свое,
убей нещадно
любимую дочь
и развей мой прах
могучим копьем, —
но не дай, жестокий,
мне низкий, тяжкий
позор принять!

(в диком воодушевлении)

Вели, отец,
чтоб знойное пламя,
утес окружая,
вспыхнуло здесь!
Пусть лижет огонь,
и жжет, и грызет
всех робких, посмевших дерзко
приблизиться к страшной скале!

Вотан, побежденный и глубоко взволнованный, быстро оборачивается к Брунгильде, поднимает ее и растроганным взором глядит ей в глаза.

Вотан

Прощай, мой светоч,
гордость моя!
Доблести цвет,
святое дитя!
Прощай! Прощай! Прощай!
Мы расстаемся,
и лаской нежной
тебя я не встречу;
ты не помчишься в бой
рядом со мною,
не дашь мне меда чаши...
Если я должен
сердца отраду —
твой радостный образ утратить, —
пусть брачный огонь
для тебя загорится,
какой для других не горел!
Море огня,
скалу окружив,
преградою грозной
робкому встанет:
на утес Брунгильды
трус не взойдет!

Невесту взять
сможет лишь тот,
кто свободней, чем бог, твой отец!

Брунгильда, растроганная и восхищенная, припадает к груди Вотана: он долго держит ее в своих объятиях. — Она снова откидывает назад голову и, продолжая обнимать отца, с торжественным умилением глядит ему в лицо.

Вотан

О, звезды светлых очей,
что я так часто ласкал, —
когда твой взор
пылал отвагой
и детским лепетом
уст твоих
хвала героям лилась!..
Лучезарный блеск этих глаз
мне часто в буре сверкал, —
когда надежды
томили мне сердце
и мир блаженно
обнять я жаждал
в тоске злой и безмерной...
В последний раз
свет ваш я пью,

прощальной лаской
целую вас!..

Сияйте счастливицу,
звезды очей, —
а мне, вечному богу,
вы навеки померкли!..

(Он берет ее голову в обе руки.)

Бессмертный, прощаясь с тобой,
бессмертье снимает с тебя!

Вотан долгим поцелуем целует Брунгильду в оба глаза. Она в тихом изнеможении, закрыв глаза, опускается к нему на руки. Он нежно ведет ее и укладывает на низком моховом холме, над которым могучая ель раскинула свои широкие ветви.

Вотан смотрит на Брунгильду и затем замыкает ее шлем. Взгляд его снова останавливается на фигуре спящей дочери, которую он теперь совершенно закрывает большим стальным щитом Валькирии.

Медленно отходя, Вотан еще раз горестно оглядывается. Наконец он торжественно и решительно идет на середину сцены и направляет острие своего копья на большой скалистый камень.

Вотан

Логе, внимай!

Слушай мой зов!

Ты однажды предстал
огнем предо мной.

и меня ты покинул
пылающим вихрем:

так и теперь
снова явись!

Сюда, беглое пламя!

Разлей мне здесь волны свои!

(С последующими словами он трижды ударяет копьем о камень.)

Логе! Логе! Ко мне!

Из камня вырывается огненный луч, постепенно разгорающийся в светлое пламя: вспыхивают ярко колеблющиеся волны огня.

Буйные языки пламени окружают Вотана. Повелительным взмахом копья он указывает огненному морю крайнюю окружность горы, где оно должно разлиться: огонь тотчас же направляется в глубину сцены, где и начинает непрерывно пылать на краю откоса.

Вотан

Кто знает страх

пред этим копьем, —

тот не пройдет

огня никогда!

Вотан простирает копье жестом заклинания. — Взором, полным муки, он оглядывается на Брунгильду, затем медленно начинает удаляться. — Он в последний раз поворачивает голову и смотрит назад. — Проходя сквозь огонь, он исчезает. —

Занавес падает.

Конец первого дня.